

УДК 82 (091)

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И ПЕЧАТЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЭПОХИ КРИЗИСА

Т. И. Краснова*Институт телевидения,
бизнеса и дизайна,
Санкт-Петербург**e-mail
taikrasnova@yandex.ru*

Предметом изучения являются условия существования газетного дискурса русского зарубежья в эпоху революционного кризиса в России. В статье рассматриваются и уточняются термины, приводятся факты, связанные с миграциями в эпоху кризиса. Характеризуется отношение к беженству в ряде газет русского зарубежья в Европе и Америке.

Ключевые слова: газетный дискурс, русское зарубежье, революционная эпоха, миграционный процесс, эмигрантская печать.

Одним из следствий русской революции было стихийное усиление территориальной циркуляции населения, нарастание миграционного движения из страны. С начала революции, в результате изменения границ по Брестскому договору 1918 г., сотни тысяч россиян оказались на территории других государств: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Польши, Украины, Румынии. Многие стали «абонентами» Лиги Наций, людьми «без отечества». Ниже мы даем небезразличные для дискурса эмигрантских газет сведения о миграциях из России в эпоху революционного кризиса. Для современного общества, науки характерно признание политической актуальности вопросов, связанных с «Россией вне России». Важно понять то, что дает мигрантам из России ощущение общей судьбы.

Миграционные процессы в России (СССР) являются предметом анализа в публикациях по истории, политологии, социальной политике, социологии, психологии, регионалистике. Современную историографию эмиграции отличает внимание к крупным социальным и профессиональным категориям эмигрантов первой волны, в частности, к военным и казачеству. На рубеже 1980-1990-х гг. начало формироваться и сейчас активно развивается как самостоятельное направление изучение восточной ветви эмиграции¹. Сохраняется устойчивый интерес к истории российской эмиграции в других странах, особенно в КНР.

По существующему мнению, Российское зарубежье, возникшее в результате трудовой миграции начала века и революционных событий 1917 г. охватывало практически все континенты, около двух миллионов бывших российских подданных. «Это было соединение широкого спектра социальных групп и сословий, оказавшихся за пределами родины в разное время и в силу разных причин» [11, с. 37].

Вкладом историографии является уточнение распространенных терминов, связанных с эмиграцией из России и СССР².

Миграция, ее разновидности. Понятие диаспоры. Миграцией (лат. *migratio* переселение) называется переселение, перемещение населения. Если это происходит внутри страны, миграцию называют *внутренней*. П. Сорокин в труде «Социология революции» говорит о сотнях тысяч людей, которые в 1917-1918 гг. потянулись из

¹ В конце 1990-х гг. состоялось несколько крупных конференций по истории россиян на Дальнем Востоке. Они прошли в Санкт-Петербурге («Русская эмиграция в Китае и на Дальнем Востоке. 1920-1945». - СПб. 1997), в Новосибирске («100-летие города Харбина и КВЖД». - Новосибирск, 1998) и др. научных центрах.

² Необходимые сведения имеются в работах: *Ионцев В. А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. - М., 1999; *Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окорочков А. А.* Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.

голодных городов в деревни (приводится статистика). Затем с началом гражданской войны огромные армии стали передвигаться «от Владивостока до Польши, от Архангельска до Крыма и Персии». В 1921-1922 гг. миллионы людей семьями уезжали из голодных областей в другие. «Вместо оседлой России перед нами был растревоженный муравейник с кишачими муравьями» [12, с. 220]. С 1921-1922 гг., с момента окончания гражданской войны, наметилась тенденция «оседания». Демобилизованные солдаты вернулись домой, население городов возросло. Вместо «Руси на телегах, на конях, бредущей пешком», какой она была в первый период революции, мы видим Русь – «большого Илью Муромца, сиднем сидящего на одном месте» [12, с. 222].

При перемещении населения из одной страны в другую происходит *внешняя миграция населения*: эмиграция (выезд) и иммиграция (въезд). Ниже представлены основные понятия внешней миграции и процессы 1917-1922 гг., с ней связанные.

Эмиграцией считается выезд граждан из своей страны в другое государство на постоянное место жительства или на длительный срок по любым мотивам. Распространенное понятие *диаспора* (по греч. «рассеяние») включает шесть отличительных характеристик: 1) рассеянность из первоначального «центра»; 2) наличие памяти или мифа об исторической родине; 3) убежденность мигрантов, что они не будут полностью приняты новой страной; 4) видение родины как места неизбежного возвращения; 5) преданность исторической родине, ее идеализация; 6) наличие групповой солидарности и чувства связи с родиной, вовлеченность в ее внутривосполнительную жизнь. Диаспорой следует считать не только этническую, но также этнополитическую и этнокультурную общности; она может быть полиэтнической [1].

В то же время считается правомерной точка зрения исследователей, отмечающих *политическую составляющую как одну из определяющих при изучении явления диаспоры* [11, с. 20]. На самом деле, возникновение диаспоры происходит в условиях пересечения и смешения политической, культурной и этнической плоскостей.

В контексте современной жизни кажется дальновидным следующее утверждение. «Желание видеть в разрозненной вековой эмиграции именно диаспору требует осмысления исторической традиции русского исхода с его почти вековым опытом социальной адаптации, политической борьбы за будущее России и процессами формирования в различных уголках мира российских форпостов» [11, с. 20].

Что касается принимающей стороны, то для нее, в контексте мировых событий, был важен один особенно интересующий ее момент в существовании российских переселенцев: *диаспора являлась наиболее информированной и наиболее интересующейся событиями на родине частью принявшего ее общества*.

В истории русской диаспоры исследователи находят этапы становления, развития и упадка. Одной из важнейших составляющих ее жизни являлась неразрывная связь с родиной, которая под влиянием конкретно-исторических обстоятельств могла принимать различные формы: от возвращенческого движения до лоббирования национальных интересов в исполнительных и законодательных органах страны пребывания.

Ученые говорят о такой сущностной характеристике эмиграции как превращение рассеяния в «образ жизни», в особое устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние социума, особую форму существования в физическом и психологическом отрыве от этнического центра. Производным от такого образа жизни становится идея «служения».

Соотношение понятий «Русская эмиграция», «Русское зарубежье», «Зарубежная Россия». В связи с эмигрантскими газетами, существовавшими в дооктябрьский период, встает вопрос: относится ли понятие «русская эмиграция» к давно проживающему на территории других стран (или оказавшемуся в чужих границах по результатам войны) местному русскому населению? Встречается мнение, что именование «русская эмиграция» (в актуальном смысле этого выражения)

обозначает эмиграцию времени революции и гражданской войны. Два с лишним миллионов эмигрантов этого периода в преобладающем большинстве были русские.

В то же время существует понятие "Зарубежная Россия", которое стоит особняком. Оно обозначает особое культурно-историческое явление (М. Д. Филин), более широкое, чем "русская эмиграция". Тогда выражение «Русское зарубежье» подразумевает самое объемное представление о русских за пределами родины. Сравните: «Русское Зарубежье охватывало всех выходцев из России, их принадлежность к национальной культуре, определяемую общим языком, образом мысли, культурной принадлежностью» [13, с. 58].

Мы согласны с таким утверждением, но сделаем особый акцент на языке. Если есть стремление к его удержанию и сохранению в инокультурной среде, это дает основание считать давних русскоязычных мигрантов находящимися в структуре диаспоры. Таким образом, большая часть людей из России, проживавших в зарубежных странах до 1917 г., относятся к широкому явлению Русского зарубежья. В конечном счете, *все определяет ментальность, укорененная в духовном пространстве выражающего ее языка.* «Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [4, с. 80].

Разновидности эмиграции. В зависимости от времени пребывания за рубежом эмиграция подразделяется на *временную* и *постоянную (безвозвратную)*.

Так, социалисты-революционеры (эсеры) рассматривали свою эмиграцию как *временную*, краткосрочную. «При малейшей возможности они стремились вернуться (и возвращались) домой, в Россию. На это нацеливали и директивные письма ЦК, оставшегося в России. Допускалась лишь та эмиграция, которая была безусловно необходима» [6, с. 97]. Вообще говоря, эмиграция социалистов-революционеров за границу была, прежде всего, эмиграцией политической партии. «Эсеры уезжали не для того, чтобы переселиться в другие страны, а для того, чтобы вести там политическую борьбу, ставшую для них невозможной в Советской России. В этом смысле новая эмиграция стала для них продолжением эмиграции царского периода» [6, с. 98].

Другой распространенный вариант. Редактор-издатель «Общего дела» (Париж, 1909-1933) В. Л. Бурцев был неоднократным эмигрантом. Он стал жить за границей *безвозвратно* только после октябрьского переворота, нелегально покинув Россию. Вместе с тем нелегальную миграцию принято отличать от беженства и любого другого вида вынужденной миграции. *Нелегальной* миграцией считается любое перемещение через границу с нарушением миграционного законодательства. Наиболее распространенным способом эмиграции в 1917 г. стал нелегальный переход финской границы. По данным американского Красного Креста и данным Роста только за осень 1918 г. в Финляндию прибыло 3 тыс. русских, а к осени 1919 г. их число достигло 10 с лишним тысяч человек [10, с. 12]. При этом раздражение в финском правительстве вызывала политическая активность эмигрантов и взгляды некоторых из них, по-прежнему воспринимавших Финляндию как часть Российской империи. В 1918-1919 гг. Финляндия активно использовалась именно в качестве транзитного пункта: большая часть эмигрантов, не задерживаясь, следовала в другие страны и регионы России, свободные от большевиков.

По форме все миграционные процессы подразделяют на *организованные* и *неорганизованные (стихийные)*, а по способу реализации они могут быть *принудительными* и *добровольными*, рассматриваться как *репрессивные* и *нерепрессивные*.

Стихийной и *добровольной* была эмиграция множества жителей Петрограда и близлежащих мест в Северные области Европы в 1917-1919 гг. Петроградцы из числа научной и творческой интеллигенции, имевшие дачи в приграничной полосе, решались переждать смутное время в Финляндии. В конце 1917 г. к ним стали прибавляться значительные группы офицеров и городских обывателей, бежавших из столицы от голода

и репрессий. Многие выезжавшие (даже после провозглашения независимости Финляндии) продолжали расценивать свой переезд как движение внутри Российского государства на его окраины, что являлось формой пассивного сопротивления новой власти. В потоке северной российской эмиграции 1918 г. были представители «маргинальной» (двуязычной и двухкультурной) группы населения – иностранцы, постоянно проживавшие в России и во многом усвоившие ее язык и культуру.

Организованной принудительной (репрессивной) формой эмиграции была высылка из Петрограда в 1922 г. интеллектуальной российской элиты. В этой связи существует мнение, что элитарная культура погибла...или переселилась из России за рубеж. По словам историка и философа П. М. Бицилли, «весь ужас положения в России» состоял «не в том, что в ней завелись большевики, а в том, что в ней нет места оппозиции». «Из России ушла не маленькая кучка людей, ушел цвет страны, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью» [13, с. 68]. «Российская империя никогда не проводила столь жесткой линии в отношении эмиграции, благодаря чему, собственно, Ленин и другие имели возможность оказывать столь заметное влияние на положение России» [8, с. 20]. В конечном счете, это привело к безальтернативному формированию советской философии – «неоднородной, неоднозначной и обладающей достаточно высокой степенью внутренней противоречивости интеллектуальной традиции в СССР 30-х - 80-х гг. XX ст.» Она сформировалась в результате «насильственного отторжения от российского обществоведения и человековедения мыслителей немарксистского толка»³. С другой стороны: «Благодаря Ленину, Зарубежная Россия получила когорту блестящих ученых и интеллектуалов, чья деятельность, в значительной степени субсидируемая ИМКА, призвана была заложить основы культуры русской эмиграции» [8, с. 43].

Регулирование выезда из страны началось в 1919 г. Советское правительство приступило к оформлению института гражданства, с акцентом на политическую лояльность. Лишение гражданства использовалось как репрессивная мера. С 1924 г. гражданства лишились невозвращенцы, перебежчики и некоторые другие категории населения. Напротив, основанием для приобретения (восстановления) гражданства могла быть политическая амнистия. Согласно Н. Н. Аблажей, во второй половине 1920-х – 1930-е гг. политика в области эмиграции постепенно ужесточилась, что привело к полному прекращению легальной эмиграции из СССР и стимулировало нелегальную эмиграцию. С 1920 г. уголовному преследованию подлежали этапированные в страну белогвардейцы, с 1921 г. – перебежчики и реэмигранты, с 1922 г. – «невозвращенцы».

К специфическим формам внешней миграции относят *беженство и интернирование*.

Понятие «беженцы» претерпело наиболее сильную трансформацию. Под беженцами первоначально подразумевались мигранты из прифронтовых районов. В эмиграции термин «беженцы» применялся к тем, кто, как предполагалось, после нормализации жизни на родине должен вернуться домой (понятие «русский беженец» иногда применялось в отношении всех пореволюционных эмигрантов из России). Согласно данным М. Раева, большинство беженцев считали себя преемниками русских политических эмигрантов XIX–нач. XX в., которые находились за границей ради продолжения борьбы с царским режимом.

Понятие «интернирование» получило распространение в период военных действий. Под ним понимают принудительное задержание на территории одной воюющей стороны (или нейтрального государства) военнослужащих и гражданских лиц другой воюющей стороны. Однако интернирование в период «русского исхода» стало, по существу, более широким понятием, независимым от военных действий и связанным с нелегальной или стихийной эмиграцией из России. Так, к концу 1918 г. всех беженцев, переходивших финскую границу, интернировали в лагеря, при этом

³ Грицанов А. А. Советская философия // Новейший философский словарь. - Мн., 1998. - С. 631.

большинство из них были довольно обеспеченными людьми. Русские беженцы фактически подвергались интернированию в Швеции. В конечном счете, Великобритания выразила готовность предоставить значительные средства тем странам, которые пойдут на размещение у себя эмигрантов из России [10, с. 13]. Норвегию использовали в качестве транзитного пункта для переезда в другие страны Европы (Францию, Германию и др.), где колонии российских эмигрантов были уже довольно многочисленны.

По масштабам внешние миграции определяются как *индивидуальные*, *групповые* и *массовые*. Интенсивность миграционного движения, в связи с первой мировой и гражданской войнами, нарастала с 1916 по 1922 гг.

Индивидуальная эмиграция последовала уже в феврале 1917 г. (в связи с февральской революцией в России). В Западную Европу и Финляндию уезжали переждать «грозу» люди богатые: как правило, те, у кого были за границей размещены капиталы, имелась недвижимость. Отъезд для них походил на привычное путешествие в Европу. По мнению Е. М. Мироновой, в 1918 г. уже ощущалась географическая «специализация» распределения групп эмигрантов: в Италию ехали представители аристократии; Франция становится прибежищем состоятельных людей различной политической ориентации; в приграничных государствах, на Балканах сосредотачивались те, у кого не было значительных средств [10, с. 6].

Одними из первых политических деятелей оказались за границей те, кто после Февральской революции выполнял различные правительственные или партийные поручения и не вернулся в Россию. Отметим тех лиц, которые фигурируют в ЭГ разного направления. Среди таких лиц был К. М. Оберучев, делегированный в сентябре 1917 г. в Копенгаген на международную конференцию по обмену военнопленными. Генерал, общественный деятель – он после 1917 г. жил в США, являлся председателем Фонда помощи русским писателям и ученым; представлял в Нью-Йорке Административный центр «внепартийного объединения». Имя Оберучева с уважением упоминается в торгово-промышленной газете «Скандинавский листок», но в сатирическом свете дается в анархо-синдикалистской газете «Голос труженика» (Чикаго).

В конце мая – начале июня 1918 г. за границу по поручению Союза возрождения России отправился А. Ф. Керенский. Авторитетное интервью с ним печатает харбинская газета «Новости жизни», в то время как его негативный образ в качестве политического деятеля России тиражируется в газетах «Общее дело» (Париж) и «Призыв» (Берлин).

Об *индивидуальной* и *групповой* эмиграции путем нелегального перехода финской границы в 1917–1918 гг. уже говорилось. Добавим, что колония пореволюционных российских эмигрантов раньше всего стала складываться в Финляндии. Значительную часть этой колонии составляли те, кто оказался в роли «невольных изгнанников»: люди, служившие в войсках, в частных или правительственных учреждениях Великого княжества и ставшие «без места и без родины» [10, с. 11]. Отступление Северо-западной армии генерала Юденича в конце 1919 г. в Эстонию, а затем ее роспуск в январе 1920 г. положили начало *массовому* исходу на Северо-Западе. В то же время на юге эвакуированные морем армии составили основной контингент первой волны беженцев [2]. Военные люди – генералы, офицеры, юнкера, казаки – по данным П. Ковалевского [13], составили всего лишь около четверти от количества всех мигрантов, покинувших страну. Но за ними последовали их близкие и другие гражданские лица, сумевшие присоединиться к ним.

Мотивы эмиграции и направления миграций из России (1910–1920-е гг.).

Процесс эмиграции из России происходил с разной интенсивностью в XIX в. и в начале XX в.. В российской и зарубежной литературе, посвященной вопросам эмиграции, к трем главным ее мотивам относят *религиозный*, *политический* и *экономический (трудовой)*. Политическая эмиграция не существовала в чистом виде, в действительности она часто переплеталась с эмиграцией трудовой и этнической

(национальной) [5, с. 197]. Газеты, ставшие объектом нашего внимания, связаны с жизнью и общественной психологией *экономической* и *политической* эмиграции до революции и после нее.

Основные направления эмиграции традиционно выделяются в соответствии с перемещением армий как *северо-западное*, *южное* и *дальневосточное*. Примерно тем же направлениям соответствует и территориальное расположение эмигрантских газет - объектов нашего изучения (в Европе, Маньчжурии, Америке). В этих местах колонии русских существовали давно, и русские газеты существовали еще до революции. Однако с 1917 г. берет свое начало массовый поток беженцев из России. Должны были меняться и сами издания.

В период кризиса люди попадали за границу разными путями. Бывшие офицеры выезжали за рубеж, чтобы обходным путем достичь других антибольшевистских правительств. Самый длинный путь - вместе с чехословацким корпусом через Владивосток (или через Харбин) в США или Европу, самый короткий путь в эмиграцию - через Финляндию или Эстонию, граница с которой была фактически открыта. «Вторая Россия» становилась Россией многопартийной. В частности, судьбу эмигрантов разделили многие социалисты-революционеры - представители одного из самых успешных в России течений социалистической мысли⁴. Согласно И. А. Кукушкиной, цели и методы работы эсеров в эмиграции практически не изменились. «Гражданская война для них не кончилась. Главную надежду социалисты-революционеры возлагали на народную революцию, которая, по их мнению, должна была привести к падению власти большевиков. Работа эсеров среди российской эмиграции была тесно связана с планами подготовки такой революции» [6, с. 79].

Для нас главной остается одна сторона миграционного вопроса - исследование условий существования газетного дискурса и освещение событий «русского исхода», так или иначе определившего идеологическую направленность и, отчасти, судьбу интересующих нас эмигрантских изданий.

Отношение к миграциям эпохи революционного кризиса в газетах РЗ.

Отношение к беженству во время российского кризиса было неоднозначным. В этом вопросе газеты РЗ считали себя обязанными придерживаться политики властей. Газеты помещают официальные сводки об увеличении числа мигрантов, включая транзитных переселенцев. Например, газета «Скандинавский листок» (№ 178) дает цифры под рубрикой «Скандинавская хроника» с заголовком «Рост эмиграции из Швеции»: «За май 1916 г. эмигрировало 843 лица, в 1915 г. - 233. С 1 января по 1 июля 1916 г. - 2291».

В сдержанной манере эмигрантская газета в Скандинавии приводит отдельные факты о перемещениях людей с территории бывшей Российской империи: «*Финская революция занесла в Швецию некоторых русских офицеров, которые были принуждены уйти из Финляндии, где протекала их служба, дабы не участвовать в борьбе между «белыми» и «красными».* Впрочем, газета не могла быть совершенно безразличной к судьбе переселенцев. Но оценки свои она дает в виде констатации характера самих фактов, включающих мотивированную положением вещей объективную оценку ситуации: «*Эмигранты» пока поселились в Стокгольме, где их положение сейчас чрезвычайно тяжелое: они совершенно оторваны от сообщений с родными, которые бы могли им оказать поддержку, или помочь перебраться в Россию. Чтобы оказать им посильную помощь, 8-го мая в Гранд-Отеле устраивается вечер «Русской музыки»* (№ 275). В газете публикуются новые правила въезда и выезда из России (Скандинавский листок: № 353 от 16 янв. 1918).

⁴ Это идеологическое течение освещалось в советской научной литературе только критически, хотя деятельность эсеров имела больший размах и не меньший успех, чем социал-демократическая пропаганда и агитация (Журналистика русского зарубежья XIX-XX вв. - СПб., 2003. - С. 98). Как известно, партия социалистов-революционеров была самой многочисленной партией России.

Харбинские газеты в интересах читателей публикуют сведения о положении с эмиграцией в Америку. Они стали затруднительными из-за действий американских властей в связи с развитием событий в России: *Вашингтон, 2 дек. (Рейтер). Председатель комиссии по эмиграции представил на рассмотрение палаты депутатов закон, запрещающий эмиграцию в Америку в течение 2 лет. Исключения будут предоставлены лишь лицам, находящимся в кровном родстве с американским гражданином или иностранцем, взявшим на себя обязательство натурализоваться («Закон о запрещении въезда в Америку», Призыв, Харбин, 1 октября 1918).*

Американские власти пристально следят за мигрантами из России, прибегая к крайним мерам в 1919 году. Так, берлинская газета «Голос России» помещает сообщение о высылке из Америки большого числа русских эмигрантов, заподозренных в экстремизме: *Нью-Йорк, 20 дек. (Рейтер). С транспортным пароходом "Buford" были вчера отправлены в Россию 249 экстремистов, в том числе Александра Беркман и Эмма Гольдман, а также еще две женщины. (Высылка из Америки русских большевиков. «Голос России». Берлин 1919, 30 дек.)*

Отношение польских властей к проблеме миграций из России нелицеприятно для власти рассматривает эмигрантская газета «Варшавская речь» (статья «Радикальные мероприятия»: 1919, 14 дек.). Дело дошло до того, что газета вынуждена была вести правозащитную работу.

В разное время (1918, 1919, 1922 гг.) разные эмигрантские газеты на местах публикуют объявления для желающих возвратиться в Россию (Скандинавский листок: № 275), обсуждают ситуацию с идеей переезда (Свободная Россия: № 53, Буэнос-Айрес; Новое русское слово: № 3471, Нью-Йорк). Регулированием миграций из России усиленно занимались государства Антанты в Европе и местные власти в Америке.

Для изучаемого нами способа существования российского дискурса в эмигрантских газетах важно следующее.

В Европе на бывших территориях России местная печать становилась печатью русской диаспоры в границах другого государства. Название «эмигрантские» таким газетам может быть присвоено условно. К русским в странах их проживания присоединялись беженцы. В результате активизировался интерес к русским газетам со стороны местных властей, со стороны представителей разных политических и правительственных кругов стран зарубежья. Все газеты были озабочены поисками средств и источников получения информации из России. Стремясь к удовлетворению интереса читателей (включая власти), издания публикуют всевозможные сообщения, рассказы очевидцев о событиях в России из первых уст - от самих беженцев. Некоторые газеты помещают серии таких свидетельств из номера в номер. К примеру, берлинская газета «Призыв» в 1919 г. дает под заголовком «Записки беженца» подробные свидетельства мигранта о разных сторонах действительности в России в № 115123, 126, 128. Заметим также, что в изучаемом нами материале больше всего таких сведений (как и сведений о перемещениях мигрантов) содержится в структуре новости, в метатексте сообщений европейских газет, где обычай указания на источник новости соблюдался неукоснительно.

Список литературы:

1. Аблажей Н. Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.: автореф. на соиск.д-ра историч. наук. - Новосибирск, 2008. - 47 с.
2. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. - М., 1999. - 382 с.
3. Журналистика русского зарубежья XIX - XX веков: учеб. пособие / А. Ф. Бережной, Н. Л. Волковский, Л. П. Громова и др.; Под ред. Г. В. Жиркова. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2003. - 320 с.
4. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». - СПб.: «Златоуст». - 1999. - 368 с.
5. Колоницкий Б. И. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 - начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года - лаборатория либеральной и революционной мысли. - СПб., 1997. - С. 197-216.

Харбинские газеты в интересах читателей публикуют сведения о положении с эмиграцией в Америку. Они стали затруднительными из-за действий американских властей в связи с развитием событий в России: *Вашингтон, 2 дек. (Рейтер). Председатель комиссии по эмиграции представил на рассмотрение палаты депутатов закон, запрещающий эмиграцию в Америку в течение 2 лет. Исключения будут предоставлены лишь лицам, находящимся в кровном родстве с американским гражданином или иностранцем, взявшим на себя обязательство натурализоваться («Закон о запрещении въезда в Америку», Призыв, Харбин, 1 октября 1918).*

Американские власти пристально следят за мигрантами из России, прибегая к крайним мерам в 1919 году. Так, берлинская газета «Голос России» помещает сообщение о высылке из Америки большого числа русских эмигрантов, заподозренных в экстремизме: *Нью-Йорк, 20 дек. (Рейтер). С транспортным пароходом "Buford" были вчера отправлены в Россию 249 экстремистов, в том числе Александра Беркман и Эмма Гольдман, а также еще две женщины. (Высылка из Америки русских большевиков. «Голос России». Берлин 1919, 30 дек.)*

Отношение польских властей к проблеме миграций из России нелицеприятно для власти рассматривает эмигрантская газета «Варшавская речь» (статья «Радикальные мероприятия»: 1919, 14 дек.). Дело дошло до того, что газета вынуждена была вести правозащитную работу.

В разное время (1918, 1919, 1922 гг.) разные эмигрантские газеты на местах публикуют объявления для желающих возвратиться в Россию (Скандинавский листок: № 275), обсуждают ситуацию с идеей переезда (Свободная Россия: № 53, Буэнос-Айрес; Новое русское слово: № 3471, Нью-Йорк). Регулированием миграций из России усиленно занимались государства Антанты в Европе и местные власти в Америке.

Для изучаемого нами способа существования российского дискурса в эмигрантских газетах важно следующее.

В Европе на бывших территориях России местная печать становилась печатью русской диаспоры в границах другого государства. Название «эмигрантские» таким газетам может быть присвоено условно. К русским в странах их проживания присоединялись беженцы. В результате активизировался интерес к русским газетам со стороны местных властей, со стороны представителей разных политических и правительственных кругов стран зарубежья. Все газеты были озабочены поисками средств и источников получения информации из России. Стремясь к удовлетворению интереса читателей (включая власти), издания публикуют всевозможные сообщения, рассказы очевидцев о событиях в России из первых уст - от самих беженцев. Некоторые газеты помещают серии таких свидетельств из номера в номер. К примеру, берлинская газета «Призыв» в 1919 г. дает под заголовком «Записки беженца» подробные свидетельства мигранта о разных сторонах действительности в России в № 115123, 126, 128. Заметим также, что в изучаемом нами материале больше всего таких сведений (как и сведений о перемещениях мигрантов) содержится в структуре новости, в метатексте сообщений европейских газет, где обычай указания на источник новости соблюдался неукоснительно.

Список литературы:

1. Аблажей Н. Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.: автореф. на соиск.д-ра историч. наук. - Новосибирск, 2008. - 47 с.
2. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. - М., 1999. - 382 с.
3. Журналистика русского зарубежья XIX - XX веков: учеб. пособие / А. Ф. Бережной, Н. Л. Волковский, Л. П. Громова и др.; Под ред. Г. В. Жиркова. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2003. - 320 с.
4. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». - СПб.: «Златоуст». - 1999. - 368 с.
5. Колоницкий Б. И. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 - начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года - лаборатория либеральной и революционной мысли. - СПб., 1997. - С. 197-216.

6. Кукушкина И. А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918-1922) // Русский исход – СПб.: Алетейя. 2004. – С. 79–105.
7. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
8. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939 : пер. с англ. / - М.: Прогресс-академия, 1994. – 269 с.
9. Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли / под ред. Ю. Шеррер и Б. Ананьича. - СПб.: Европейский Дом, 1997. – 247 с.
10. Русский исход / Отв. ред. Е. М. Миронова. – СПб.: Алетейя. 2004. – 320 с. (Серия «Русское зарубежье. Источники и исследования»).
11. Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных штатах Америки в первой половине XX века : автореф. ... д-ра исторических наук. – М. 2007. – 42 с.
12. Сорокин П. А. Социология революции. – М.: Издательский дом «Территория будущего», РОССПЭН. 2005. – 704 с.
13. Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И. Эмиграция и эмигранты: История и психология. / науч. ред проф. Г.А. Тишкин. – СПб.: С.-Петербургская гос. академия культуры, 1995. – 153 с.

RUSSIAN ÉMIGRÉS AND MEDIA DISCOURSE OF RUSSIAN ÉMIGRÉ PRESS IN THE CONTEXT OF MIGRATION PROCESS OF THE REVOLUTION PERIOD

T. I. Krasnova

*Institute of TV-,
business and design,
St.-Petersburg*

*e-mail
taikrasnova@yandex.ru*

The subject of the article is media discourse of Russian émigré press in the period of Revolution. Conceptions of emigration and some facts including the attitude to immigration have been considered and verified. The immigrant newspapers of 1917–1919 were served as the sample material.

Key words: media discourse, Russian émigrés, revolution period, migration process, immigrant newspapers.